

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-148-159

А. В. Гринкевич¹*Национальный исследовательский Томский
государственный университет (Томск, Россия)*

ОБРАЗ ПРОПОВЕДНИКА В РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА» И В ПОВЕСТИ В. С. МАКАНИНА «ПРЕДТЕЧА»

В рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» (1877) и в повести В. С. Маканина «Предтеча» (1982) образ проповедника отражает социальный и идеологический кризис переходного периода. Композиционно в обоих произведениях обнаруживаются сходные ситуации: чудесное прозрение; проповедование этических ценностей: любви к ближнему и окружающему миру; возможность духовного и телесного исцеления. Ироничное отношение к речи проповедников, свидетельствует об отсутствии у большинства слушающих веры в необъяснимое, однако задача проповедника «окликать» – упрощать и распространять трансцендентные идеи.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, В. Маканин, образ, проповедник, сон, повесть, сюжет

A. V. Grinkevich*National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)*

THE IMAGE OF A PREACHER IN THE STORY OF F. M. DOSTOEVSKY "THE DREAM OF A RIDICULOUS MAN" AND IN THE STORY OF V. S. MAKANIN "THE FORERUNNER"

In the story "The Dream of a Ridiculous Man" by F. M. Dostoevsky (1877) and in the story "The Forerunner" by V. S. Makanin (1982), the image of a preacher reflects the social and ideological crisis of the transition period. Compositionally, both works reveal similar

---

¹ Алина Викторовна Гринкевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: malkova-alina@list.ru.

situations: miraculous insight; preaching of ethical values (love for one's neighbor and the world around us, the possibility of spiritual and physical healing). An ironic attitude to the speech of preachers indicates the absence of faith in the inexplicable in most listeners, but the task of the preacher is to "call out" – to simplify and spread transcendental ideas.

Keywords: F. Dostoevsky, V. Makanin, image, preacher, sleep, story, plot

В обществе, как правило, проповедник выполняет дидактическую функцию, он призван не только распространять и интерпретировать идеи, но изменять сознание Другого. Этимологически слова «проповедовать», «проповедник» переводятся с латинского («*praedicāre*»²) как «провозглашать», «оповещать», «возвещать» [Фасмер, 1987, с. 376]. Однокоренными к слову «проповедник» являются слова «заповедь», «исповедь», «ведун», «ведать», «вещий», что свидетельствует об особом социальном положении проповедника как о познавшем истину, прикоснувшемся к метафизическому откровению, прозревшему. Культурологически образ проповедника отсылает к архаической традиции ветхозаветных пророков, разоблачающие социальные пороки и пугающие окружающих божественной карой, к античным философским и риторическим традициям, к христианским проповедям об усмирении плоти, о спасении души.

Проповедь – особый способ общения, в котором акт говорения, предполагает от субъекта речи твердую уверенность в сказанном. Проповедник, как и странник, блуждает в поиске единомышленников, собирает паству, т.е. занимает атипичное положение в бытии. В христианской традиции проповедник рассматривается как пастырь (этимология слова восходит к праиндоевр. *ра – «содержать; кормить; пасти» [Фасмер, 1987, с. 215]), задача которого духовно «насыщать» страждущих, привести их в «царствие небесное». В словесном творчестве проповедь – это дидактический жанр с опорой на сакральные тексты, проясняющий этические положения, упрощая их смыслы для слушающих.

Основание для сопоставления двух произведений классического и постклассического реализма обнаруживается в использовании сходных сюжетов: в обоих текстах главный герой по разным причинам осознает себя избранным, познавшим или приблизившимся к познанию истины, и стремится к её распространению. Несмотря на временную дистанцию в написании и публикации текстов, и рассказ Ф.М. Достоевского, и повесть В.С. Маканина отображают сходное состояние общества: кризисное мироощущение, аксиологическую

---

² Здесь и далее курсив наш. – А.Г.

девальвацию, поиск духовных ориентиров. Эмпирическая модель познания действительности заменяется верой в трансцендентное. Если в рассказе Достоевского истина открывается человеку в переходном состоянии между явью и неявию, то в повести Маканина в нездоровом, шизофреническом состоянии сознания. Общество воспринимает смешного человека Достоевского и проповедника Маканина как безумных, верящих в воплощение идеи об идеальном социуме, основанном на этическом отношении как к Другому, так и к бытию. Важно то, что оба героя не создают новое учение, а перерабатывают известные евангельские заповеди.

В жанровом аспекте рассказ Достоевского «Сон смешного человека» (1877) прочитывается литературоведами [Мельникова, 2002], [Савельева, 2013], [Червинская, 2012], как видение, сон, утопия, антиутопия. Подобное разнообразие мнений свидетельствует о неоднозначности и философичности этого небольшого рассказа, который по мнению исследователей является «как бы мозаикой из всех прежних произведений» [Карякин, 1989, с. 390], «почти полная энциклопедия ведущих тем Достоевского» [Бахтин, 2016, с. 226], «"Евангелием" в миниатюре» [Воге, 1999, с. 185]. Анализируя рассказ, Т. А. Касаткина акцентирует внимание не на утопичности идеи главного героя, а на его стремлении к достижению «гармонии универсума» [Касаткина, 1993, с. 61]. Образ «смешного человека» – эволюционирует, поскольку в начале рассказа изображается герой, находящийся в состоянии самоопределения, но в финале сделавший выбор: «Осознание того, что ты смешон, обеспечивает стремительное развитие обособленности и самости» [Касаткина, 1993, с. 64].

При интерпретации повести Маканина «Предтеча» в критических и литературоведческих работах со/противопоставляются два дискурса профанный (анекдот) и сакральный (житие); М. Липовецкий определяет повесть как «трагикомедия» или «трагифарс» [Липовецкий, 1985, с. 154]. Писавшая о повести И. Роднянская отмечает авторский интерес к исследованию законов зарождения и гибели сект, «трагический физиологизм» [Роднянская, 1986, с. 236], отсылающий читателя к позднеготической живописи. М. Липовецкий выделяет главного героя повести (Якушкина) как первого маканинского героя, «попытавшегося сознательно организовать свою жизнь не по бытовым, а по бытийным законам» [Липовецкий, 1985, с. 154]. М. Амосин интерпретирует главного героя как проповедника, который убежден в том, что болезни тела – «прямые или опосредованные следствия неправильной, несправедливой жизни» [Амосин, 2010, с. 172].

Если в рассказе Достоевского проповедь главного героя направлена на реализацию идеи по усовершенствованию мира, то в повести Маканина проповедь (бессвязное «бубнение») призвана исцелять больного, поскольку согласно идеи главного героя не тело влияет на дух, а наоборот больной должен стремиться к духовному самосовершенствованию, «нацеленный на совесть иначе называемую интуицией» [Маканин, 1987, с. 431]. Важное значение в обоих произведениях отводится речи главных героев. Говорение в анализируемых текстах выполняет помимо информационной функции – терапевтическую, поскольку заговаривание / выговаривание лечит не только физическую, но и этическую боль. С другой стороны, говорение проповедника призвано распространять идеи, убеждать в своем учении слушающего. Отметим то, что проповедование возможности создания гармоничного общества, парафраз западноевропейских утопических идей от Т. Мора до К. Маркса.

Для Якушкина в повести «Предтеча» говорение ритуально: последователи собираются, пьют травяной чай, слушают целителя, после окончания один из учеников (приближенных), забирает учителя к себе, следуя принципу «забо-тообмена» [Маканин, 1987, с. 435]. Центральная ситуация в рассказе Достоевского – пересказ смешным человеком своего сна Другим, который направлен на убеждение слушающих в реалистичность приснившейся ему модели идеального общества. В обоих произведениях перед проповедниками стоит задача в изменении сознания окружающих.

Рассказ «Сон смешного человека» был впервые опубликован в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год, в котором писатель отразил не только духовный, идеологический кризис общества 1870-х годов, но и социальное разъединение, распад межличностных связей, не этическое поведение большинства, осознание бессмысленности существования (кризис идей позитивизма) и как итог стремление главного героя к самоубийству («главный признак суицидального деяния, не гарантия смерти, а осознанное намерение умереть» [Аванесов, 2000, с. 18]). Современная культура воспринималась интеллигенцией как «воля к гибели» [Ницше, 1990, с. 10] с преобладающим эсхатологическим мотивами, конечности, завершенности, бессмысленности.

«Изображающая речь» (по М. М. Бахтину) в рассказе «Сон смешного человека» принадлежит герою-нарратору. Рассказчик использует свое исповедальное письмо и как метафизическое откровение (индивидуальное приближение к истине), и как пример-приклад того, как возможно организовать жизнь в обществе (практическое применение идеи). С другой стороны, название

рассказа – «Сон смешного человека», самонаименование главного героя – «смешной человек», не серьезное отношение других к речи проповедующего, изменяет идеалистическую модальность текста на ироническую. Ирония позволяет создать образ «молодого человека в момент разрушения неиндивидуальной, официально-догматической системы ценностей и формирование личного мировоззрения» [Рыбальченко, 1991, с. 191]. Семантически словосочетание «смешной человек» предполагает уязвимое положение, поскольку смеющийся занимает превосходящее положение над смешным. Во сне главного героя смех противопоставлен радости, в которой пребывают жители другой планеты («лица их были веселы; в словах и голосах этих людей звучала детская радость» [Достоевский, 2014, с. 628]). В сюжете рассказа познание смеха равнозначно искушению, принятие деструктивной энергии, разрушающей гармонию («Они научились лгать полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось невинно, с шутки, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им» [Достоевский, 2014, с. 633]).

В сюжете рассказа можно выделить три основные ситуации: 1) реальные события, произошедшие с главным героем вечером «третьего ноября» [Достоевский, 2014, с. 618] (весь вечер «просидел у одного инженера» [Достоевский, 2014, с. 619], возвращаясь домой, он не помог просившей о помощи девочке, а вернувшись домой думает о самоубийстве). 2) Сон главного героя, выстроен по распространенному в литературе сюжету: описания посмертного путешествия в другую, отличную от земной, реальность. Сон – центральное событие, которое ментально изменяет главного героя. В отличие от реальных событий, сон занимает большую часть рассказа и изображается нарратором более детально. Условно события, происходящие во сне, делятся на две части: а) утопическая фаза сна – «золотой век» (жизнь до грехопадения) – беззаботное существование в гармонии с окружающим миром, в этой фазе человечество лишено стремления к познанию и усовершенствованию окружающей действительности. б) Антиутопическая фаза начинается с ситуации искушения (после «грехопадения») – человечество преобразовывает жизнь вокруг, стремится к познанию, которое сначала приводит к межличностным конфликтам, а затем к войне, т.е. повторяется модель исторического развития землян. 3) Возвращение главного героя в реальность осложнено чувством вины, за то, что искушил и тем самым изменил ход истории, нарушил привычное течение жизни, лишил людей объединяющего чувства любви, единения с природой. Искушение – состоит в познании (в «гносисе»), которое открывает для человека

«состояние пребывания-в-мире, несчастье существования» [Рикер, 2008, с. 378], которое приводит к пониманию сложности в организации бытия (культурологически восходит к библейской истории о грехопадении, изгнании из рая).

Серый, ничем не примечательная герой в финале рассказа преобразается: из боявшегося осуждения другого, в открыто проповедующего, выражающего свою позицию. Событие сновидческого прозрения выводит «смешного человека» из повседневной жизни, а чувство вины перед оставленным миром заставляет проповедовать, этически возмещать свой проступок. Согласно М. Фуко: «Истина – это то, что озаряет субъекта, истина – это то, что дает ему блаженство, истина – это то, что привносит покой его душе. <...> Есть в истине ... что-то такое, что придает завершенности самому субъекту, что позволяет ему сбываться или преобразует его» [Фуко, 2007, с. 29]. В истории главного героя иллюзия достижения истины наполняет жизнь смыслом. Таким образом в финальной ситуации субъект повествования из агностика превращается в верующего в возможность построения гуманного общества.

«Смешной человек» в своей исповеди проповедует «люби других как себя» [Достоевский, 2014, с. 636], что является перифразой нагорной проповеди Христа (квинтэссенции христианского учения). Любовь для главного героя – основной закон жизни, который проявляется как забота, как благожелательное отношение к другому. Другая проблема, которую ставит центральный персонаж в своей проповеди – это проблема истинности увиденного: «но как мне не верить: я видел истину, – не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ ее наполнил душу мою навеки» [Достоевский, 2014, с. 636]. Истина в рассказе – не объективное отображение реальности, а изображение внутренней точки зрения персонажа, которому кажется, что он познал истину, однако на самом деле повторяет христианское учение. Проповедует, несмотря на то что знает о бессмысленности своего говорения, поскольку понимает, что его речь не убедительна. Назидательное говорение для главного героя – мессианский порыв преобразовать действительность, который, как он сам осознает, не воплотит: «но как устроить рай – я не знаю, потому что не умею передать словами»; «... старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!» [Достоевский, 2014, с. 637]. Для Достоевского в рассказе движение к идеалу (проповедование как забота о всеобщем благе) – вариант преодоления индивидуального кризиса.

В повести В. Маканина «Предтеча» (1982) отражается социальный, экономический кризис периода «застоя», утрата обществом веры в соци-

алистические идеалы. В это время происходит замена духовных ценностей – материальными, подмена научного знания – оккультным. Кризисное мироощущение заставляет людей спасаться иллюзиями: ложными идеями, философскими концепциями, обращаться к сверхъестественному, к мистическому.

В истории центрального персонажа повести – Якушкина – можно выделить три основные ситуации: 1) духовное перерождение, обретение универсальной идеи и ее проповедование; 2) спасение других, излечения жизни от неидеальности, смертности; 3) осознание центральным персонажем иллюзорности своих этических целей – потеря дара целительства оборачивается утратой паствы.

В отличие от рассказа Ф. М. Достоевского в центре повести В. Маканина изображение не отдельного случая, а воспроизведение повседневной жизни горожан, утративших смысл существования, больных не столько телесно, сколько духовно. Как и в рассказе «Сон смешного человека» в повести «Предтеча» образ главного героя, целителя, так и его окружение изображается автором иронично. Однако авторская ирония направлена и на обывателей, поверивших в оздоровительную идею, и на сомневающихся в чудо исцеления. Повествователь проповеди Якушкина фиксирует с точки зрения второстепенных персонажей: журналиста Коляни Аникеева, сомневающийся в даре Якушкина: *«Но ведь шиз. Но ведь все ясно, как фонарь...»* [Маканин, 1987, с.433], учеников Якушкина Люси, Кузовкина, Дериглотова, воспринимающие своего учителя как *«великого человека», «полубога»*.

Главное положение в учении Якушкина – *«любовь к окружающим вас»*, которое созвучно евангельской заповеди: *«возлюби ближнего своего как самого себя»* [Мтф. 22: 39]. Для целителя *«любовь»* к окружающему миру – не только способствует к укреплению духовного здоровья, но физиологически изменяют человека. Бессмертие души Якушкин объясняет в научно-популярном дискурсе: *«после смерти человека сотни и тысячи маленьких нейтринно могут, неумирающие, переходит в тело и душу другого человека»* [Маканин, 1987, с. 431]. Говорение Якушкина становятся пародией на проповеди Христа (в частности на Нагорную проповедь). Сумбурная речь, малообразованность делают его проповеди непонятными, странными для окружающих. Важную роль в проповедях Якушкина выполняет интонация: речь-крик пронизывающая, обличающая не праведную жизнь, и речь-шепот, рассказывающая о тайнах жизни.

Выделим следующие виды проповедей, представленные в повести. *Обличительные проповеди*: Якушкин выступает против гедонизма, «*клеймит за алчность и за жажду к благам*» [Маканин, 1987, с. 421]; ставит экологические проблемы. *Поучительные проповеди*: 1) о необходимости воспитывать в человеке любовь к ближнему, например, проповеди об излишней любви к собакам, о любви к «братям и сестрам»; 2) о бессмертии души и преобладании духовного над телесным (проповедь о нейтрино).

В своих проповедях центральный персонаж учит простым истинам: раскаянию, самоограничению, жизни в гармонии с природой. Якушкин вводит в свою систему прочитанные «газетные» исторические, этические, социальные идеи 1970-х годов. Проповеди Якушкина представляют собой монтаж идей, концепций, псевдонаучных гипотез, которыми питают массовое сознание многочисленные периодические издательства. В сюжетостроении Маканиным используется зеркальная ситуация: если больные накапливают материальные блага, то Якушкин потребляет растиражированные в массовой культуре идеи.

Речи Якушкина посвящены научно-техническим достижениям (нейтрино, космическим ракетам, клеткам, атомам и др.), в которых целитель видит трагическое разрушение основ общества, физической и нравственной болезни. Научно-технический прогресс ведет к глобальным и опасным процессам: загрязнению окружающей среды, уничтожению природных ресурсов. Увеличение потребления материальных благ приводит к духовному, социальному кризису. Якушкин многократно повторяет в своих выступлениях: «*Бездуховно живете!*», «*Без духа живете!*», «*всяко клеймит их за алчность и за жажду к благам*» [Маканин, 1987, с. 421].

Идеи Якушкина близки философии космизма. В космизме важное место занимают проблемы, связанные с преодолением болезни, смерти, достижения бессмертия. В «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова [Федоров, 1982, с. 538] центральная идея – борьба со смертью является частью общего дела, преобразующий извращенный (по терминологии Н. Федорова, «неродственный») материальный мир [Федоров, 1993, с. 29], в котором царит зло противоборства и вытеснения. Якушкин, так же как и Н. Федоров мыслит спасение человека в коллективе, а духовное и физическое здоровье в истинной любви. Идея Якушкина о нейтрино, как «о самой коллективисткой частице», «*после смерти человека сотни и тысячи маленьких нейтрино не умирая переходить в душу и тело другого человека*» [Маканин, 1987, с. 431], продолжает мысль космистов о бессмертии. Для проповедника нейтрино – бессмертная частица, переходящая

в другие биологические формы. Концепция нейтрино в интерпретации Якушкина восходит не только к буддийской идее о реинкарнации, но и к пониманию В. И. Вернадским биосферы, как «живого вещества» многократно переходящего и повторяющегося в других биологических формах.

Утопия является формой познания, в которой действительные черты социальной жизни скрыты, а реальные общественные связи замещаются фантастическими, соответствующие природе идеала (например, предсказания Якушкина об открытии в будущем учеными человеческих и противочеловеческих частиц клетки; объяснение появления летающих тарелок как «*вскрик нашей совести, называемой иначе интуицией*» [Маканин, 1987, с. 431]). В финале повести проповедование массовых идей, сменяется поиском источника витальной энергии, способной исцелить человека. Однако «*погоня за корнем*» приводит старика к смерти: «*ушел с распростертыми руками во глубину земли*» [Маканин, 1987, с. 542].

Название повести отсылает к сюжету Иоанна Крестителя, подготавливавшего сознание людей к приходу мессии. С Иоанном Предтечей Якушкин схож аскетическим образом жизни, звероподобным обликом, проповедями, обращающими в «веру», смертью – однако смерть Якушкина не насильственная, что важно для концепции Маканина – за идею не убивают, её просто забывают, но в таком случае идеал становится не верой, а временным увлечением. Смерть Якушкина имеет не только социальный смысл, но и онтологический – даже пытающийся возвыситься духовно человек остается в реальном мире, не может преодолеть бытийные законы, телесные и материальные потребности.

В рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» (1877) и в повести В. Маканина «Предтеча» (1982) образ проповедника реализует сходные с архаическим пророком функцию обличителя, которая демонстрирует обществу неправильное с точки зрения этики поведение большинства. Если у Маканина – Якушкин личность, которая яростно стремится преобразовать другого, то «смешной человек» – тихо окликает, пытается своим собственным примером переубедить слушающего. Для одного путь проповедника состоит в жертвенном служении идеи. Для другого выстраивание жизни, согласно открывшейся истине, приводит то к поиску иллюзорной панацеи, то к смирению и принятию смерти, которую стремился преодолеть. Ироничное отношение к речам проповедникам в обоих текстах свидетельствует об скептическом отношении слушающих к транслируемым истинам. Однако двадрес-

ность иронии предполагает не полное отрицания объекта насмешки, но сомнения в его правдивости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аванесов, С.** Введение в философскую суицидологию / С. Аванесов. – Томск: Изд-во Томского университета, 2000. – 122 с.
2. **Амусин, М.** Алхимия повседневности: очерк творчества В. Маканина / М. Амусин. – Москва: Эксмо, 2010. – 448 с.
3. **Бахтин, М. М.** Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург: Азбука, 2016. – 416 с.
4. **Валова, Д. М.** Жанровая поэтика рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» / Д. М. Валова // Уральский филологический вестник. – 2015. – № 5. – С. 84-91.
5. **Воге, П.** Люцифер Достоевского. О рассказе «Сон смешного человека» / П. Воге // Достоевский и мировая культура. Альманах № 13. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 186-201.
6. **Достоевский, Ф. М.** Двойник: повести и рассказы / Ф. М. Достоевский. – Москва: Эксмо, 2014. – 640 с.
7. **Карякин, Ю. Ф.** Достоевский и канун XXI века / Ю. Карякин. – Москва: Современный писатель, 1989. – 693 с.
8. **Касаткина, Т.** Краткая полная история человечества («Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского) / Т. Касаткина // Достоевский и мировая культура. Альманах № 1. Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 48-68.
9. **Липовецкий, М.** Против течения: Авторская позиция в прозе В. Маканина / М. Липовецкий // Урал. – 1985. – № 5. – С. 148–154.
10. **Маканин, В.** Избранное / В. Маканин. – Москва: Советский писатель, 1987. – 544 с.
11. **Мельникова, С.** Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова: дис. канд. филол. наук: 10.01.01 – Русская литература / С. Мельникова. – Москва, 2002. – 164 с.
12. **Ницше, Ф.** Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. Сочинения: в 2 т. Т. 2. / Ф. Ницше. – Москва: Мысль, 1990. – 829 с.
13. **Рикёр, П.** Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – Москва: Академический проект, 2008. – 695 с.
14. **Роднянская, И.** Незнакомые знакомцы: К спорам о героях Владимира Маканина / И. Роднянская // Новый мир. – 1986. – № 8. – С. 230–247.

15. **Рыбальченко, Т.** Иронико-философская проза в современном литературном процессе / Т. Рыбальченко // Проблема метода и жанра: Сб. статей / под ред. Ф. З. Кануновой. – Томск, 1991. – С. 190–208.
16. **Савельева, В.** Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей / В. Савельева. – Алматы: Жазушы, 2013. – 520 с.
17. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. (Муза–Сят) / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1987. – 832 с.
18. **Федоров, Н. Ф.** Сочинения / Н. Ф. Федоров. – Москва: Мысль, 1982. – 711 с.
19. **Федоров, Н. Ф.** Философия общего дела: Отрывки / Н. Ф. Федоров // Русский космизм: Антология философской мысли. – Москва: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 64–79.
20. **Фуко, М.** Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 677 с.
21. **Червинская, О.** «Смешной» человек Ф. М. Достоевского в жанровой перспективе текста / О. Червинская // Русская литература. Исследования. – 2012. – Вып. 16. – С. 86–102.

REFERENCES

1. **Amusin, M.** Alhimiya povsednevnosti: ocherk tvorchestva V. Makanina / M. Amusin. – Moskva: Eksmo, 2010. – 448 s.
2. **Avanesov, S.** Vvedenie v filosofskuyu suigidologiyu / S. Avanesov. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2000. – 122 s.
3. **Bahtin, M. M.** Problemy poetiki Dostoevskogo / M. M. Bahtin. – Sankt-Peterburg: Azbuka, 2016. – 416 s.
4. **Chervinskaya, O.** «Smeshnoj» chelovek F. M. Dostoevskogo v zhanrovoj perspektive teksta / O. Chervinskaya // Russkaya literatura. Issledovaniya. – 2012. – Vyp. 16. – S. 86–102.
5. **Dostoevskij, F. M.** Dvojniki: povesti i rasskazy / F. M. Dostoevskij. – Moskva: Eksmo, 2014. – 640 s.
6. **Fasmer, M.** Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3. (Muza–Syat) / M. Fasmer. – Moskva: Progress, 1987. – 832 s.
7. **Fedorov, N. F.** Sochineniya / N. F. Fedorov. – Moskva: Mysl', 1982. – 711 s.
8. **Fedorov, N. F.** Filosofiya obshchego dela: Otryvki / N. F. Fedorov // Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli. – Moskva: Pedagogika-Press, 1993. – S. 64–79.

9. **Fuko, M.** Germenevtika sub"ekta. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1981 – 1982 uchebnom godu / M. Fuko. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2007. – 677 s.
10. **Karyakin, Yu. F.** Dostoevskij i kanun XXI veka / Yu. Karyakin. – Moskva: Sovremennij pisatel', 1989. – 693 s.
11. **Kasatkina, T.** Kratkaya polnaya istoriya chelovechestva («Son smeshnogo cheloveka» F. M. Dostoevskogo) / T. Kasatkina // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Al'manah № 1. Ch. 1. – Sankt-Peterburg, 1993. – S. 48–68.
12. **Lipoveckij, M.** Protiv techeniya: Avtorskaya poziciya v proze V. Makanina / M. Lipoveckij // Ural. – 1985. – № 5. – S. 148–154.
13. **Makanin, V.** Izbrannoe / V. Makanin. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1987. – 544 s.
14. **Mel'nikova, S.** Pritcha kak forma vyrazheniya filosofskogo sodержaniya v tvorchestve L. N. Tolstogo, F. M. Dostoevskogo, A. P. Chekhova: dis. kand. filol. nauk: 10.01.01 – Russkaya literatura / S. Mel'nikova. – Moskva, 2002. – 164 s.
15. **Nicshe, F.** Tak govoril Zaratustra: Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo. Sochineniya: v 2 t. T. 2 / F. Nicshe. – Moskva: Mysl', 1990. – 829 s.
16. **Rikyor, P.** Konflikt interpretacij: Oчерki o germenevtike / P. Rikyor. – Moskva: Akademicheskij proekt, 2008. – 695 s.
17. **Rodnyanskaya, I.** Neznakomye znakomcy: K sporam o geroyah Vladimira Makanina / I. Rodnyanskaya // Novyj mir. – 1986. – № 8. – S. 230–247.
18. **Rybal'chenko, T.** Ironiko-filosofskaya proza v sovremennom literaturnom processe / T. Rybal'chenko // Problema metoda i zhanra: Sb. statej / pod red. F. Z. Kanunovoj. – Tomsk, 1991. – S. 190–208.
19. **Savel'eva, V.** Hudozhestvennaya gipnologiya i onejropoetika russkih pisatelej / V. Savel'eva. – Almaty: Zhazushy, 2013. – 520 s.
20. **Valova, D. M.** Zhanrovaya poetika rasskaza F. M. Dostoevskogo «Son smeshnogo cheloveka» / D. M. Valova // Ural'skij filologicheskij vestnik. – 2015. – № 5. – S. 84–91.
21. **Voge, P.** Lyucifer Dostoevskogo. O rasskaze «Son smeshnogo cheloveka» / P. Voge // Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Al'manah № 13. – Sankt-Peterburg, 1999. – S. 186–201.